

К 84(2)
Р 24

РАССОХИН
РАССОХИН

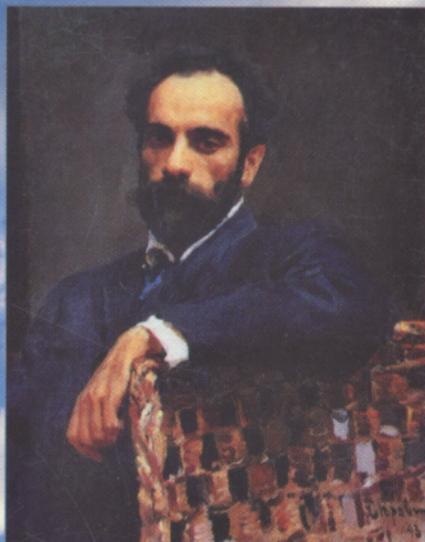
К 150-летию со дня рождения
великого художника России
Исаака Ильича Левитана

LEVITAN

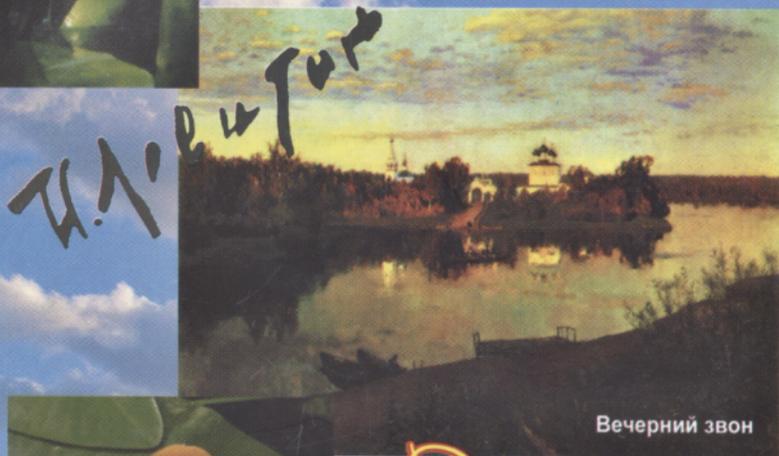
ISAAC
1860-2010

У Тургеневского дуба
авторы 20 книг

Портрет пейзажиста, друга А. П. Чехова,
работы В. А. Серова

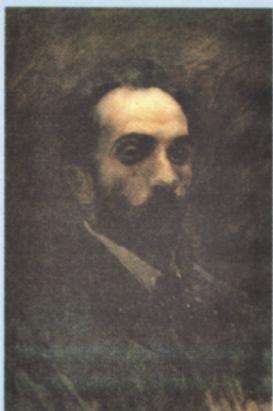
Вечерний звон

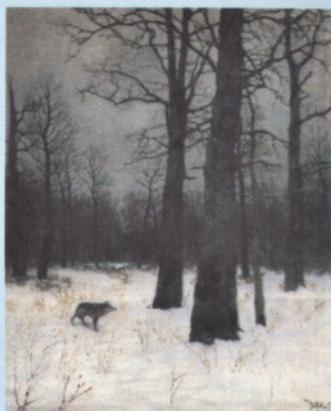
*Золотая
кувшинка*

*
Поэма

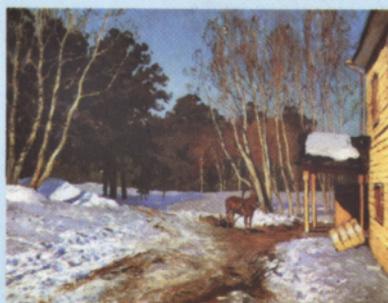
ВРЕМЕНА ГОДА

Неоконченный автопортрет

Зимой в лесу

Март

Заросший пруд

Владимирка

Золотая осень

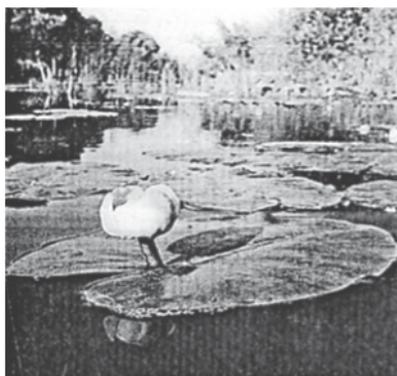

Озеро

**Виктор Рассохин
Сергей Рассохин**

ЗОЛОТАЯ КУВШИНКА

**Российская Федерация
Орёл, 2010**

ББК 63.3(2)64

Р 24

Виктор Рассохин, Сергей Рассохин
Р 24 Золотая кувшинка. — Орёл, 2010. —
36 с., ил.

Какая тайна мира — земля и небо.

Нет конца, никто никогда не поймёт этой тайны, как не поймут смерть.

А искусство — в нём есть что-то небесное — музыка.

И. Ловцук

ISBN

© В.В. Рассохин, 2010

© С.В. Рассохин, 2010

ЗОЛОТАЯ

КУВШИНКА

*Исааку Ильичу Левитану —
любимому с детства
художнику*

Осенний день. Сокольники.

Золотая осень.

Март.

Весна — большая вода.

РАННЯЯ ВЕСНА

Полупальтишко на плечи набросив,
Отцовским шарфом шею обмотав,
Спешит в поля, где снег пробила озимь,
В сквозящий мир обветренных дубрав.

Раскрыл этюдник.
Взгляд пытлив и зорок.
Штришок — и улыбнулся березняк,
Мазок — дымится солнечный пригорок,
И талым льдом
Глаза слепит большак...

Как воздух свеж!
Движенья торопливы.
В сиене кисть, а разум говорит,
Что тени синеваты и пугливы
У молодых растрёпанных раakit...

И до заката, не боясь простуды,
На пальцы перезябшие дыша,
Он пишет с увлечённостью этюды,
Где светится мальчишечья душа...

Москва.
Цветут огни в замёрзших лужах.
Витрины блещут —
Яствам — несть числа!

У Исаака —
Ситничек на ужин.
И тот ворюга-кошка унесла.

Эх, кошка, кошка! Серенькая кошка,
Чердачный, бесприютный старожил.
Тебе бы подождать ещё немножко —
Он пополам бы ситник разломил.

Что делать, если ужина не стало?
Под голову — с бельишком узелок.
И служит ему тёплым одеялом
Облитый лунным светом потолок.

У подбородка — острые колени.
Сквозняк невольно чувствует спина.
И зыбок сон, как брошенные тени
В проём венецианского окна.

УЧИТЕЛЬ

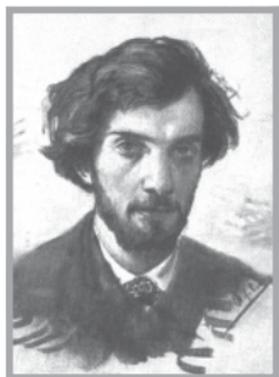
Прохладно. Комнаты пустынные.
 Не ладят шторы с синевой.
 Лишь в рамках светятся картины,
 Как будто окна в мир живой.

Сидел хмелеющий Саврасов.
 Звенели рюмки на столе.
 — Ищите больше тёплых красок
 На грешной матушке-Земле.

Сегодня...
 Ми-ла-я Россия,
 Как лошадь в тесном хомуте.
 Стоят
 Легальные витии
 Спиною
 К нашей красоте.

Моль золотая!
 Моль... Ей-богу!
 И хоть права у ней круты,
 Пора, художники, в дорогу.
 Гоните солнце на холсты.

НА ВОЛГЕ

Он смотрит пристально и долго
И глаз не может оторвать:
Ведь рядом волны катит Волга —
Всех ручейков и речек мать.

Сейчас бы крикнуть:
— Стенька Разин!

Явись с весёлой голытьбой
Да посмотри, как день прекрасен:
Из голубого — голубой.

С.П.
Кувшинникова

Который век во всех приходах
Тебя клянут колокола!
Но воля, вольница, свобода
Здесь не родиться не могла!

И, как бы синь воды смягчая,
Мелькают чайки —
всплеск и взлёт.
Вода светлей от крыльев чаек
Почти по самый горизонт.

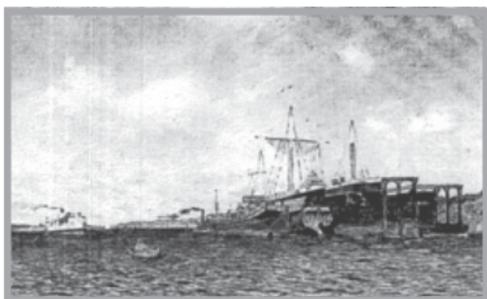
И пузырём, как парус, блуза,
И пахнет ветер озорной
И керосином, и арбузом,
И свежей рыбой, и сосной.

ПЛЁС

Носами волны разрезая,
 Подходят баржи к берегам.
 С утра висит, не умолкая,
 Канатный скрежет,
 Стон и гам.

Приказчик кроет
 Крепким матом
 Покрытых солью
 Работяг,
 Что носят брёвна
 В два обхвата
 На стёртых,
 Ноющих плечах.

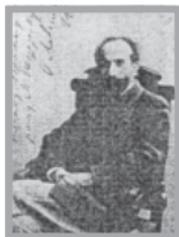

Судовладелец одноглазый,
 Играя тростью вырезной,
 Хрипит: — Живее, лоботрясы!
 Гоню целковый на пропой!

Сверкают согнутые спины.
 Они идут за рядом ряд...
 И, словно с репинской картины,
 В глаза пронзительно глядят.

Не отвернёшься — совесть сгложет.
 Страданьем каждый изнурён.
 В их мыслях —
 Царь давно низложен,
 Ко всем смертям приговорён.

К расстрелу,
Виселице,
Плахе...
Но сила — силой заперта.
Докуда жить в яремном страхе —
Поёт и плачет красота.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Вот и вечер в Волгу якорь бросил.
С заунывной песней рыбаки,
Руки оторвав от мокрых вёсел,
Потянулись цепью в кабаки.

В переулке — ливенка вздохнула.
Пьяный хохот. Перебранка жён.
Боль и слёзы горького разгула
Давит колокольный перезвон...

Ночь свежа. Река нетороплива.
У сетей — костёр сторожевой.

Да художник бродит у обрыва,
К звёздам прикасаясь головой.

А внизу — похрапывают кони:
То ли волк встревожил, то ли лось.
Выплеснулась рыбина в затоне —
Будто что вблизи разорвалось.

На воде — мерцанье небосвода,
Лунные расходятся круги.
Словно говорит сама Природа:
Вот и я. Пиши меня. Не лги.

Вся твоя: от шороха до звука.
Вся твоя: в убранстве, в наготе.
Об одном прошу тебя, как друга:
Умереть не дай мне на холсте...

Разве сон придёт в такую пору?
Волга подарила столько сил...
Вроде не тиранил стольный город,
Вроде там и пасынком не жил.

Чуть заря — следы его остыли.
Зря спешит хозяйка с молоком.
Он писал.
А две Москвы следили.
Две Москвы —
Великая и гном.

У ДРУГА

— Антоша, принимай меня из рая.
 Уехал — нищий, а приехал — царь!
 Смеётся Чехов, друга обнимая:
 — А ты окреп, удачливый волгарь!

Я вижу, принял Плёс тебя, как сына:
 Так загорел, что не видать бровей.
 Тебе б теперь прекрасную ундину
 Мятежных, обжигающих кровей.

— Ундина есть.
 — Ну, что ж? Бери за свата,
 Пока запас словесный не иссяк.
 — А сам-то что?
 — Я неслух. Рановато.
 Боюсь, раздавит миленький башмак.

Бурлит усадьба, скуку выселяя.
 Проблемы века. Общий самовар.
 Качели. Откровение рояля.
 И просто так — лирический базар.

Волшебный парк,
 Сирень благоухает —
 Щемящ и свеж тончайший аромат.
 И кто-то под гитару напевает:
 — Сияла ночь. Луной был полон сад!..*

* Романс на слова А.А. Фета.

А Исаак, мрачней понемногу,
(Куда ведь проще: пей в кругу и пой...),
Владимирскую торную дорогу,
Как на ладони, видел пред собой.

Колодников, и гордых, и суровых,
Влюблённых в необъемлемую ширь,
Что в помыслах бунтующее слово
Несли, как знамя, в тёмную Сибирь.

— Антоша, слышишь?
Раздаётся эхо.
Пришла пора
Российских баррикад...
Надев пенсне,
Смотрел сквозь сумрак Чехов,
Как будто видел там
Вишнёвый сад.

...Сон перебит.
Прощай, уют шумливый!
Уйдёт он, молодея от ходьбы...
Наивность восторгается: Счастливым!
Гнусавит зависть: Ба-ло-вень судьбы.

Как хорошо: он этих слов не слышит.
Мольберт поставлен. Белый зонт раскрыт...
И он, быть может, новый холст напишет,
Забыв про ощетинившийся быт.

ОЗЁРНАЯ ТИШЬ

Чернеют избёнки на склоне крутом,
В воде отражаясь невольно.
С берёзками тощими, книзу крестом,
Белеет, дрожа, колокольня.

...А рядом дощаник. Плетёный шалаш.
Зелёное кружево ряски.
Да жаль, что забыт в пиджаке карандаш
И дома оставлены краски.

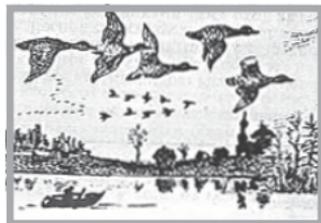
Не дома, а так... Приютили на срок.
Большое спасибо на этом!
Мир солнцем пронизан, почти не жесток,
И мрак даже кажется светом.

Забуться?

Тревожит завистливый гам,
Намёк на судьбу иноверца.
Убитою чайкой
Летит к ногам
Любовь, не нашедшая сердца.

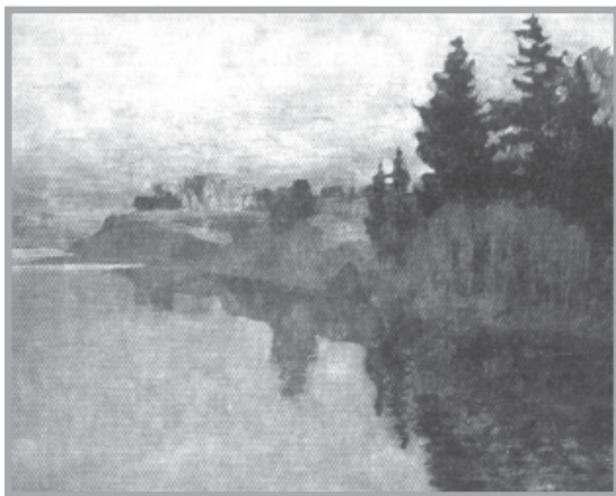
В том — холод расчёта,
А в том — пустота.
Другое — на колкости падко.
Четвёртое — дерево без листа:
Весною не бьёт лихорадка.

...А сизого селезня нянчит вода.
На зов откликается утка.
Сквозь бури и залпы летели сюда...
Пальнёшь разве в парочку?
Жутко!

Пусть бойко снуют
В молодом тростнике
Живые комочки — утята...

Рука замерла
На ружейном замке.
Душа
Тишиною распята.

НА ВЫСТАВКЕ

В белоснежной сорочке,
Остроносый и бледный,
С тёмно-русой окладистой бородой,
Входит в залу салона,
Строг и сух, как военный,
Проницательно щурясь,
Пал Михайлыч. Старшой.

— Третьяков!

— Треть-яко-оф?

Дамы тянут лорнеты.

Глянцевитые плечи

Вытирают мужья.

— Наш российский Дюпон!

— Сразу купит полсвета.

— Спит на золоте, видно...

— Вот кого бы в зятя!

— Посмотрите, как страшен омут?!

— Веет Надсоном и Толстым.

— Во где рыбка! Раздолье сому.

— Впрочем, что мы мазню глядим?

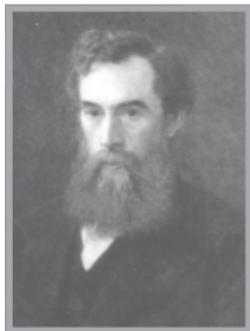
...Дремлет тайна в притихшей глуби.

И преданье гласит о том,

Что русалка, кого полюбит,

Зазывает в подводный дом...

У картины идёт
 Разговор оживлённый.
 Подошёл Третьяков,
 Резковат, как всегда.
 По холсту осторожно
 Щёлкнул пальцем холёным:
 — Недурна работёнка!
 Черновата вода.

— Повезло Левитану!
 — Любит греться у славы...
 — Где он только находит
 Глухие места?!
 — Левитан-то который?
 — Во-он, папаша, чернявый.
 В пиджаке нараспашку.
 Похож на Христа.

Рядом шёпот:
 — Училище толком не кончил.
 — Проживает без паспорта.
 — Вот так талант...
 — Господин посетитель,
 Вы не можете громче?!
 Ах, как жаль, что не слышит
 Мосье Левитан.

А художник глядит,
 Похвалой окрылённый,

Как чванливы и чопорны господа.
Въелись в жирные шеи
Станиславы и Анны.
Это мусор салона —
Мужика бы сюда!

У него — ни гроша.
Еле держится хата.
Нету лент через грудь,
Мешковато одет.
Всё его состоянье
Не брильянты и золото —
Всемогущее: Да!
Беспощадное: Нет!

...Покупают картину...
Я, счастливый и жалкий
(Боже!
Что в этом мире
Деньжищи творят!),
Сам бы бросился в омут
Вместо бедной русалки,
Чтоб не видеть,
Не слышать,
Как
Червонцы хрустят.

Острый глаз оценил
Всю фактуру до нитки.

Вдохновенье и поиск,
Улыбку мечты...
И докуда терпеть
Меценатские пытки?
Я дарил бы картины,
Как дарят цветы.

До свиданья, мой Омут!
Твой новый хозяин
Понимает искусство —
Прекрасный знаток...
Оставайся в Москве.
Это я здесь случаен,
Как у гордой чинары
Дубовый листок.

КАК ОСИЛИТЬ РАБА?

И зачем эта ночь?
И не ночь, и не день.
Лунный свет превозмочь
Не пытается темь.

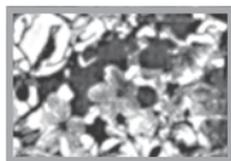
Только тени черней,
Вырастая в длине,
Чернотой своей
Возражают луне.

Сквозь прогалы раки
В исчезающей мгле
Так речонка блестит —
Млечный Путь на Земле.

Луг рососою примят.
Чётко видны следы.
Терпкий запах струят
Голубые сады.

Щёлкнул раз соловей,
Эхом дробь рассыпая,
Словно в гуще ветвей
Соловьиная стая.

Где ж вы, люди села?
Не видать никого...
Красота тяжела
Для меня одного.

И спасения нет:
Лезет в уши, в глаза,
Как раскаты и свет,
Что приносит гроза...

...Крепко заперты сенцы.
Вас разбудишь едва ли.
Как на печке младенца,
Вы природу приспали.

И подумать о том
Не успели.
Вы убиты трудом
С колыбели.

Тяжек плуг и коса
Без душевного взлёта.
А молить небеса —
Даровая работа.

Как осилить раба
И в себе, и вокруг?
Неужели судьба —
Заколдованный круг?

ПИСЬМО

«Лечусь заграничною тишиной,
Ничем голова не загружена.
А воздух,
А воздух,
А воздух какой!
Не станешь обедать и ужинать.

Но, если б вы знали,
Как хочется мне
Увидеть
Россию милую:
Вот-вот загудящий
Тающий снег,
Белые-белые лилии...

В сиреновой дымке
Вечерний плёс...
Послал бы к чертям бессонницу
Да слушал бы говор
И шёпот берёз,
Вышедших за околицу.

Забудешь ли
Сказочную красу
Сквозь дождь
Розовеющей радуги,

Как утром,
Отряхивая росу,
Поднимется ветер на ноги.

И гнуться траве,
И волне бежать
Под натиском ранней свежести...
России в Европе
Не занимать
Ни красоты,
Ни нежности.»

РАЗДУМЬЯ

...Облака пролетают в седое пространство.
В бесконечность уходит седая река.
Как огромна Земля!
Жаль, что нет постоянства.
До чего же всеядны седые века!

Кто и что я?
Пылинка?
А может быть, искра?
Может, пламя зажгу
В том, кто рядом со мной?
Пламя дольше горит
И не гаснет так быстро.
Пламя с ветром сильнее
И слабей — с тишиной.

Кисть отброшена.
Сердце колотится часто.
Горло сдавлено
 пальцами духоты.
Эх бы, ветра сюда!
Свежака!
Чтобы вмиг отдышаться,
Захлебнуться от счастья,
Забыв пустоту суеты.

Даже ветер с картины
Не может найти себе места.
Высотойю проходит,
Гоня кувыркoм облака...
— Ну, давай помечтаем,
Дорогая, любимая Веста.
Ты прости мою слабость,
Поругай-ка меня, чудака!

А собака, ласкаясь,
Тепло так глядит, человечно,
Любопытство трепещется
В умных глазах.
Для неё всё равно:
Кратковременна жизнь или вечна.
Ей бы выследить дичь
Да подранка схватить в камышах.

— Мы пролезем с тобой
Сквозь болота и цепкий валежник.
Захлебнёмся апрельскою синевою.
А кому мы подарим
Смеющийся, милый подснежник,
Если он просияет
Над чёрной, опавшей листвою?

Никому. Ну и ладно.
Опушкой двинемся дальше.
Пусть влюблённые рвут.

И у нас есть влюблённость своя:
Чу!

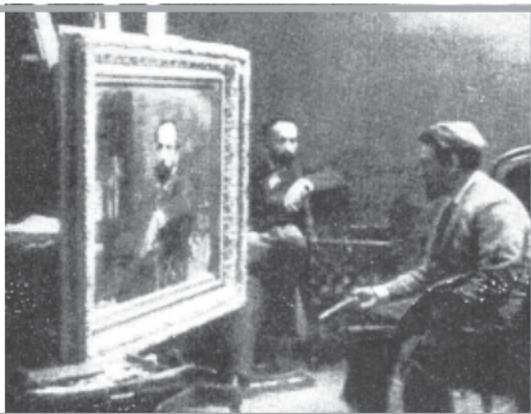
В зарю золотую
Врывается с хорканьем вальдшнеп,
За подругой спеша
Над лихим воркованьем ручья.

Как целительна свежесть
Сквозистого, тихого леса!
Пахнет зеленью робкой и талой водой.
Мы, ей-богу, богаче
Любого наземного Креза,
И небесный беднее,
Если там отыскался такой.

Да, тоскливо тебе,
Я нечасто бываю свободен.
А порою случается:
Плачь — голоси...

Валентин Серов
пишет портрет
Левитана. 1893 год

Ничего, дорогая!
Ещё мы с тобою побродим.
Не бродить, не ходить —
Это значит — не жить на Руси.

Размечтались. И легче.
Запутался в собственных тенях,
Как трясинистый лог,
Что ольхою зарос...
И притихшую Весту —
Подругу в охотничьих бденьях —
Он целует в холодный,
Черноватый, с шершавинкой нос.

ОСЕННИЙ БУКЕТ

Шёл люд, дождя не замечая.
Плыл гроб, обитый полотном.
Пролёткам встречным козыряя,
Жандарм рысил на вороном.

Усы. Лоснящийся. Огромный.
Он послан был сюда не зря.
Покойник им казался бомбой —
А вдруг да в нового царя!

Не подчинён художник страже.
Ему свой суд вершить дано.
Живой не лгал. И мёртвый скажет
Живым, но... умершим давно.

Саврасов знал, кто жал и сеял.
Знал, кто весь век кричал «Ура!»,
Как на Христе и Магомете
Бездарность шла в профессора.

Она трезвонила: — Пропойца!
Сказал ли друг ему: — Алёш...
Тогда б не спал он, где придётся,
Не пил бы так за кровный грош.

...Ворчал профессор седовласый,
По виду немец иль поляк:
— Катастрофически Саврасоф
Себя закладывал в кабак...

...Ему не сыпались червонцы.
И он доволен был вполне,
Что шёл с этюдником за солнцем,
Не забывая о вине.

И каждый думал, ком бросая:
Пред ним века откроют даль.
Он весь — Россия полевая,
Её отрада и печаль.

Срывались капли дождевые,
Под шёпот листьев холмик рос.
Любовь к земле, любовь к России
Он и туда с собой унёс.

Унёс. В чиновники не вышел.
И Левитан, кладя цветы,
Как будто сызнава услышал:
— Гоните солнце на холсты!

ЦАРСТВО КРАСОК

Солнцем залита мастерская —
Царство красок, холста, кистей.
А за окнами — стужа злая:
Что ни час, то мороз лютей.

Только здесь и весна, и лето:
Половодье. Голубизна.
Лодки в сумерках ждут рассвета.
Чуть стога не зажжёт луна.

Закудрявилась зелень мая.
На верёвке бельё, как снег.
Чья хозяйюшка молодая
Вышла на реку раньше всех?

От веселья, с тоски ли долгой,
Чёрной тенью прижав пустырь,
Куполами воткнулся в Волгу
Белокаменный монастырь...

Красно-розовые ворота
Да глубокая колея
Увели на закат кого-то
От родительского жилья...

Что ж ты гнёшься, мосток дубовый,
На виду у деревни всей?
Искромсали тебя подковы,
Постарел ты, глядясь в ручей...

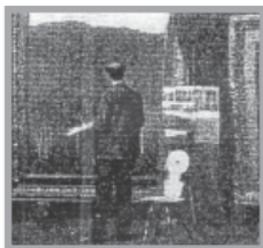

Свежий ветер, упруг и весел,
Гонит волны — волна к волне.
И его отголоски песен
Звонче слышатся в сером дне...

Как не хочет с землёй прощаться
Умирающий, бледный луч!
За ракиты не удержаться,
Коль упал на ракиты с туч...

У цветов краток век в неволе,
Увяданию вопреки —
Голубою мечтой о поле
Продолжают жить васильки...

Дворик. Лошадь. В снегу берёзки.
Да бубнит у крыльца капель...
И наброски вокруг, наброски —
Меньше игол имеет ель.

Сердце сжалось.
Покоя просит.
Холст позванивает тугой.
Золотым фейерверком осень
Загорается под рукой.

Виден кисти полёт свободный.
Есть работа.
Секретов нет.
Взмах, другой — и ручей холодный
Отраженьем берёз согрет.

Русь встаёт перед ясным взором,
Слышен выдох и слышен вздох.
С бесконечным её простором
Как художник сродниться смог?

Сколько радости, грусти, ласки,
Нерастроченной теплоты!
Разведённые кровью краски
Заставляют дышать холсты.

Время дорого. Сроки жёстки.
Надо б лечь — подождёт постель!
И наброски вокруг, наброски —
Меньше игол имеет ель.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Глухой овраг ещё листвою завален.
Но травы лезут — первые в году.
Весною даже дятел музыкален,
Когда он вторит певчему дрозду.

Как дышится легко в зелёном мире.
Медвяно пахнет клейкою листвою.
Блестит поляна —
Сразу стала шире,
Сверкает,
Освежённая грозой.

— Исаак Ильич!
А небо-то какое!
Любимым
Раскрыть бы на платки.
— Младое племя,
Племя молодое!

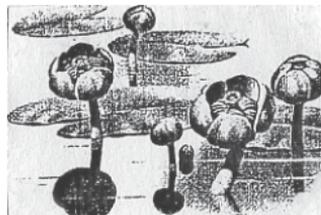
М.П. Чехова

Мне самому бы к вам в ученики.
Только, чур, без простоя.
Май не любит покоя.

— Исаак Ильич! Спор меж нами идёт:
— Где берёт
Красота начало?

— Золотою кувшинкою
Пруд зацветёт,
Если солнце
В воду упало.
Мне с далёкого детства
Картина близка,
Что ни слово — душа окрыляется:
«...Звёзды меркнут и гаснут.
В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается»*.

Я вышел в мир, тревожный и унылый,
Ухабистой дорогой нищеты.
Но мне, юнцу, всегда давали силы
Последний снег и первые цветы.

У молодости — крепкие устои,
Но молодость наивности полна.
Ей хочется в один приём освоить
Все краски мира и полутона.

* Из стихотворения И.С. Никитина «Утро».

Перебродил. Но помню прыткость эту.
И знаю, что в этюд уходят дни...
Земля — она не чёрная по цвету,
Земля по цвету радуге сродни.

Да разве это выдержишь в секрете?
Порой не сплю по нескольку ночей
И думаю, забыв про всё на свете,
О простоте
Саврасовских грачей.

Талант
Не заменить высоким саном*.
Взгляните на берёзу и на пень...
Клубилась
Фиолетовым туманом
В сырых кустах
Душистая сирень.

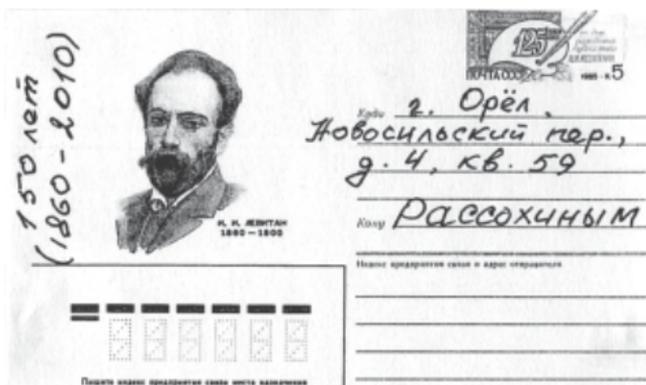

А день звенел —
Прозрачен и чудесен,
В себя вбирая
Птичьи голоса.
И майский лес,
Поверя в крылья песен,
Казалось, поднимался в небеса!

*В поэму включены этюды и картины И. И. Левитана, его брата, А. К. Саврасова, И. Н. Крамского, А. С. Степанова — друга великого пейзажиста.

Содержание

Ранняя весна	4
Учитель	6
На Волге	7
Ночная сказка	9
У друга	11
Озёрная тишь	13
На выставке	15
Как осилить раба!	19
Письмо	21
Раздумья	23
Осенний букет	27
Царство красок	29
После грозы	32

Виктор Васильевич Рассохин
Сергей Викторович Рассохин

ЗОЛОТАЯ КУВШИНКА

Подписано в печать 08.09.2010 г. Формат 70x90¹/₃₂.

Бумага офсетная. Усл.п.л. 1,32.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1907.

Цена договорная.

Отпечатано в ОАО «Типография «Труд».

302028, г. Орел, ул. Ленина, 1.

ПОЭЗИЯ ПЛЁСА

Над вечным покоем

Комната, где жил художник

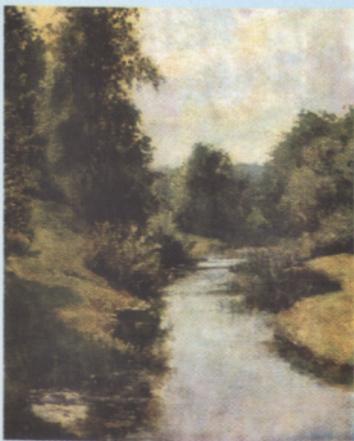
Портрет возлюбленной живописца

Вечер. Золотой плёс

После дождя. Плёс

Ручей в лесу.
Этюд С. П. Кувшинниковой

Свежий ветер. Волга

Этюды Виктора Рассохина

Аромат белой сирени

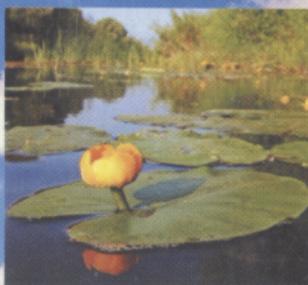
В глухозимье

Последний снег

Гроза
пронеслась

Волшебная ночь

Отшумела
берёза

У околицы.
Восход луны

Гурзуф

Двойная радуга над селом

Родные просторы